

*Искусство
и действительность*

*Искусство
и действительность*

ШАРЛЬ БОДЛЕР
ФИЛОСОФСКОЕ ИСКУССТВО

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 7.0

ББК 85

Б75

*Перевод с французского
Н. И. Столяровой и Л. Д. Липман*

Бодлер, Шарль

Б75 Философское искусство / Ш. Бодлер ; [пер. с фр. Н. И. Столяровой, Л. Д. Липман]. — М. : РИПОЛ классик. — 400 с. : ил. — (Искусство и действительность).

ISBN 978-5-519-63909-5

Шарль Бодлер является одним из наиболее ярких и противоречивых французских поэтов XIX века, основоположником символизма и декадентства, а также необычайно проницательным, едким и острым на язык художественным критиком и тонким философом искусства. В настоящем сборнике представлены его критические эссе и заметки о художественной жизни Франции середины XIX века.

УДК 7.0

ББК 85

ISBN 978-5-519-63909-5

© Издание, оформление.

ООО Группа Компаний

«РИПОЛ классик», 2017

Салон 1846 года

Обращение к буржуа

Вас большинство — и числом и способностями, — за вами сила и, следовательно, право.

Сегодня одни из вас владеют знаниями, другие — собственностью. Когда-нибудь настанет счастливый день, когда ученые приобретут собственность, а собственники — знания. Тогда ваша власть будет полной и никто не станет ее оспаривать.

Но пока царство этой высшей гармонии не наступило, тот, кто является всего лишь собственником, стремится к знаниям, ибо они приносят не меньшее удовлетворение, чем собственность, — это вполне естественно.

Вы хозяева города, и это справедливо, ибо за вами сила. Но вы должны научиться чувствовать красоту. И как никто из вас не может сегодня обойтись без власти, так ни один из вас не имеет права лишать себя поэзии.

Вы способны прожить три дня без хлеба, но не проживете и дня без поэзии, и те из вас, кто утверждает обратное, ошибаются: они не ведают самих себя.

Нынешние аристократы мысли, те, кто присвоил себе исключительное право хвалить или хулигать, узурпаторы духовных благ, внушили вам, будто вам не дано чувствовать их и наслаждаться ими, — эти люди всего лишь фарисеи.

Ведь вы правите градом, куда стекаются ценители со всего мира, и вы должны быть достойны этой роли.

Умение наслаждаться искусством — это своего рода наука, и нужен известный опыт, чтобы наши пять чувств смогли пройти посвящение в это таинство; подобный опыт достигается только доброй волей и внутренней потребностью.

Потребность же в искусстве у вас несомненно имеется.

Искусство есть драгоценное благо, напиток, дарующий и свежесть и тепло, поддерживающий и тело и дух в естественном гармоничном равновесии.

Вы, о буржуа, юристы или коммерсанты, постигаете пользу от искусства только по вечерам, когда утомленно склоняете голову на мягкую спинку кресла подле уютного камина, а между тем более сильные желания, более яркие впечатления принесли бы вам настоящий отдых после трудового дня.

Однако ловкие барышники замыслили отдалить вас от плодов познания, ибо познание — это их коммерция, их лавочки, и тут их завистливая жадность безгранична. Если бы они отказывали вам в способности изготавливать произведения искусства или проникать в способы их изготовления, такое утверждение не оскорбило бы вас, поскольку общественная дея-

тельность и торговля занимают добрых три четверти вашего времени. Зато досуг вы могли бы посвящать духовным наслаждениям.

А между тем вышеупомянутые барышники отнимают у вас эту радость под тем предлогом, что в технических приемах искусства вы разбираетесь меньше, чем в законах и коммерции.

Однако если две трети вашего времени уходят на познавательную практическую деятельность, то оставшуюся треть должно по справедливости отдать чувству — оно-то и поможет вам понимать искусство. И таким образом установится в вашей душе равновесие сил.

Истина многогранна, но не единственна. Подобно тому как своей политической деятельностью вы расширили права и приумножили народные блага, так в области искусства вы способствовали более широкому приобщению публики к художественным ценностям.

Кем бы вы ни были — буржуа, королями, законодателями или негоциантами, — вы основали частные коллекции, музеи, выставочные галереи. Некоторые из них еще шестнадцать лет назад были открыты только для барышников от искусства, теперь они доступны для всех.

Вы объединили усилия, вы создали компании, вы прибегли к займам, дабы содействовать осуществлению идей будущего в самых различных его аспектах — в политике, промышленности, искусстве. Ни в одном благородном начинании вы не уступили инициативу бунтующему и страдающему меньшинству, которое является к тому же естественным врагом искусства.

Шарль Бодлер. Салон 1846 года

Ведь позволить опередить себя и в искусстве и в политике равносильно самоубийству, а большая часть нации не может покончить с собой.

Содеянное вами послужило на благо не только Франции, но и другим странам. Так, Испанский музей увеличил объем ваших общих познаний в области искусства. Вам хорошо известно, что национальный музей — это место приобщения людей к искусству, возвышающему их и делающему более восприимчивыми и терпимыми; точно так же собрание живописи другой страны приобщает один народ к другому, давая им обоим возможность наблюдать и изучать друг друга, способствуя их взаимопониманию и зарождению чувства братства.

Одни из вас владеют средствами, другие — знаниями, и вы, естественно, должны быть друзьями искусства.

Отдавая обществу свои знания, предприимчивость, труд и деньги, вы требуете взамен пищи для чувства, разума и воображения. И, получив эту пищу, потребную для восстановления равновесия всех сторон вашего существа, вы почувствуете себя счастливыми, довольными, доброжелательными, и таким же счастливым, довольным и доброжелательным почувствует себя общество, когда оно обретет истинное и полное равновесие.

Именно вам, буржуа, естественно, посвящается эта книга, ибо книга, которая обращена не к большинству, большинству и числом и способностями, бесмысленная книга.

1 мая 1846 года

I. Зачем нужна критика?

И в самом деле — зачем? Вот убийственный вопрос, хватающий критику за шиворот с первого же ее шага.

Художник упрекает критику прежде всего за то, что она бессильна научить чему-либо буржуа, который не желает ни писать картины, ни сочинять стихи, что она не в силах поучать и искусство, поскольку сама вышла из его же лона.

А между тем немало нынешних художников только ей одной и обязаны жалкой своей славой! Пожалуй, именно за это она действительно заслуживает упрека.

Вы видели литографию Гаварни, изображающую художника, склонившегося над своим холстом; позади него стоит важный, сухой и чопорный господин в белом галстуке, который держит в руке свою последнюю статью. Подпись к литографии гласит: «Искусство благородно, а критика священна. Да кто утверждает это? Критика!» Выигрышный сюжет так легко удался художнику, потому что критик на рисунке по-добен большинству своих собратьев.

Критика методов и приемов, лежащих в основе произведений искусства*, не может быть полезна ни

* Я отлично знаю, что современная критика имеет иные претензии: она обычно рекомендует рисунок колористам и цвет — рисовальщикам. Куда как разумно и возвыщенно! — *Примеч. авт.*

публике, ни художнику. Художник изучает их у себя в мастерской, публике же важен только результат.

Я искренне считаю лучшей критику занимательную или поэтичную, а вовсе не ту, холодную и рассудочную, которая, стремясь всему найти объяснение, не питает ни к чему ни ненависти, ни любви а добровольно отказывается от всякого пристрастия. Между тем если прекрасная картина — это природа, отображенная художником, то лучшей критикой будет отображение этой картины в проницательном и восприимчивом уме. И лучшим анализом картины был бы сонет или элегия.

Однако критика такого рода предназначена для сборников поэзии и для поэтически настроенных читателей. Что же касается критики в точном смысле слова, то тут, надеюсь, философы поймут мою точку зрения: если критика хочет быть справедливой, или, иными словами, если она хочет оправдать свое назначение, она должна быть страстной, пристрастной, воинствующей, она должна исходить из позиции сугубо индивидуальной и в то же время такой, которая открывает возможно более широкие горизонты.

Превозносить линию в ущерб цвету или цвет в ущерб линии тоже, конечно, позиция, однако она не блещет ни широтой, ни справедливостью и лишь говорит о глубоком непонимании индивидуального в творчестве.

Вам неведомо, в какой дозе смешала природа в душе разных художников пристрастие к линии и пристрастие к цвету, вам неведомо и то, какими таин-